

УДК 94(=512.157)+94(=512.145)(51)

ТЕОРИЯ ТАТАРСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЯКУТОВ***В.В. Ушницкий****(Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук)*

В статье рассматривается проблема происхождения народа саха (якутов) через призму новейших исследований. Археологические данные связывают этногенез саха с материалами усть-талькинской археологической культуры XII–XIV вв. в Прибайкалье. Анализ письменных источников позволяет связывать усть-талькинцев с племенем усуту-мангун, идентичных с приангарскими татарами, упоминаемыми в сочинениях Рашид ад-дина и Абульгази. Татары в Приангарье могли мигрировать из Центральной Азии, где они компактно жили в районе озера Буир-нур. В статье анализируется связь фольклорных источников саха с реальной историей центральноазиатских татар.

Ключевые слова: кочевники, этногенез, Центральная Азия, татары, монголы, археология, Прибайкалье, якуты-саха, фольклорные источники.

Якуты не кочевники, поэтому для современного поколения является непонятным представление о миграции кочевых предков с территории сегодняшнего Казахстана или Маньчжурии. Между тем фольклорные источники XVIII–XIX вв., создававшиеся в период формирования и сложения данных народов на огромной территории их обитания, отразили совсем иные представления о родине предков, чем современные мифологемы, отождествляющие якутов с рекой Лена. Так, в XVIII – 30-х гг. XX в. в якутском фольклоре Байкал отражается в качестве южной прародины, откуда спустился вниз по Лене сформировавшийся уже там народ «ураанхай саха».

Участник Камчатской экспедиции И. Линденау, проезжая в 1745 г. через Байкал, увидел укрепления в местности под тюрко-якутским названием Кё-бюёлююр. В этой местности некогда проживал родовой владыка Омогой из рода Боотулу. Потомки Омогоя и пришельца Эллэя в составе восьми главных якутских родов расселились и жили на территории Байкала и в соседних с ним степях до тех пор, пока не были оттуда оттеснены кыргызами и монголами. Сначала они давали достойный отпор своим врагам, но потом, когда во времена царствования Баджея – внука Эллэя, они слишком обессилели, Эллэй собрал все племя и спустился вниз по Лене [32, с. 176]. Как видно, в этническом сознании саха XVIII в. сохранилось предание о том, что их предки рассматривали пребывание на территории Байкальского региона как один из этапов своей истории, наполненный довольно богатыми событиями. Надо полагать, что в формировании народа саха этот этап сыграл немаловажную роль.

По современным археологическим материалам, возникновение якутской скотоводческой культуры на Средней Лене происходило после XIII в. Следовательно, письменные и археологические источники по истории Прибайкалья XIII в. имеют самое непосредственное отношение к народу саха.

Тюркоязычные племена туматов В.С. Николаев считает народом, создавшим усть-талькинскую культуру Южного Приангарья XII–XIV вв. По его утверждению, туматы мигрировали в конце XI в. в Прибайкалье из предгорий Саяно-Алтая. В результате проникновения новых племен с юга в начале XV в. происходит вытеснение части туматов в долину среднего течения р. Лены [38, с. 158]. В связи с этим А.В. Харинский указывает на отсутствие погребальных обрядов с остовом коня на территориях, откуда туматы прибыли, т.е. на территории Тувы [49, с. 104–110].

Археологи сделали очень важный вывод для этногенеза саха: «во многих чертах погребального обряда якутские погребения с конем повторяют захоронения усть-талькинской культуры: присутствие внутримонгольских конструкций в виде колоды и ящика-гроба, трупоположение покойных вытянуто на спине, наличие погребений животных (коней) в отдельной могильной яме» [25, с. 194–196; 9, с. 41; 38, с. 156–157].

В письменных источниках наряду с племенами бурятов и булгачинов, а также кори, в качестве населения Ангары Рашид ад-дин упоминает племя усуту-мангун и беглые группы татар. Абульгази добавляет легендарный город Алакчин, населенный многочисленными татарскими племенами. Какое отношение усуту-мангуны, татары и алакчины могут иметь к происхождению саха? Загадка должна найти свою разгадку через многократное осмысление сюжетов олонхо и якутских легенд о прародителях, а не идти путем выдвижения выдуманной, легко опровергаемой версии. Историография этногенеза саха была бы не полной, если бы не имела попытку отождествления предков саха с этими этносами. Так, еще И.В. Константинов связывал усуханей с усть-талькинцами, идентифицируя их с последним компонентом в составе саха, прочитывая их имя как китайский перевод имени народа юс-саха [25, с. 196–197]; однако, этноним усухань распадается на две части: усу – имя народа и хань – народ на китайском языке.

Прежде всего начнем с загадочных усуту-мангунов. Схожие названия имеются и в других источниках. Следовательно, нам сначала надо разобраться в сложном переплетении сведений разных источников, историографических неточностей и локализации данных племен. В «Сокровенном сказании монголов» среди «лесных племен», покоренных Джучи, есть урдууты и урсуты. Урдууты до сих пор существуют в качестве хакасского сеока, Б.Я. Бутанаев их считает потомками удуит-меркитов, переселившимися на территорию Хакасии. Как установил Ф. Кливз, урсуты жили в верховьях Енисея [14, с. 147]. Народ Усу, упоминаемый в Юань-ши, считается насельником территории Верхнего Енисея, где есть приток Ус. Более того, племя ус в Юань-ши выступает в качестве предков кыргызского этноса, имеющего древнюю историю. Безусловно, название Ус (усухань) – это не их самоназвание. Так, водяным или речным народом могли обозначать любое племя, проживавшее по Ангаре, Енисею и даже по Лене, не вдаваясь подробно в его этническую принадлежность.

Можно сомневаться в локализации племени Ус на Верхнем Енисее. В Юань-ши о племени Ус рассказывается сразу после сюжета об ангарцах, представленных в качестве потомков государства Гуливо (курыкан); там речь идет о том, что народ Ус назван именем реки и проживает к востоку от цзи-

лицзисы, к северу от реки Цяньхэ [53, с. 101]. Возможно, народ Ус юаньских источников идентичен народу усуту-мангунов Рашид ад-дина.

Народ усы имел обычай каждый год в первой декаде 6-го месяца убивать белую лошадь, быка и барана, разбрызгивать кумыс и омываться в реке, чтобы почтить духов реки, потому что, по преданию, оттуда вышел их родоначальник [29]. Существование подобного обычая отмечается среди казанских татар [15]. Здесь можно увидеть сходство с легендами о первопредке саха Эллэе. Сведения о народе Усу (усухань), устраивающем в шестой декаде (шестом месяце) года кумысный праздник с жертвоприношением белых лошадей духам реки, откуда явился их родоначальник, удивительно сходятся с якутской мифологией. К ней можно отнести сюжет с возлиянием кумыса, почитание белого цвета, обряд «ытык» с выгоном на природу белых лошадей и почитанием первопредка Эллэя, приплывшего по реке верхом на бревне. Усухани вместе с кыргызами во времена Хубилая были частично сосланы в земли Наяна – в Маньчжурию. Поэтому встречается гипотеза о связи этого водяного, речного народа с предками амурских этносов: удэге и нанайцами. Однако усухани (усы) могли быть отдельным народом, не связанным с водяными монголами, – усуту-мангун.

Таким образом, в разноязычных источниках XIII в. встречаются различные обозначения сходного этнонима в территории Прибайкалья, этимологически связанного с названием воды – «су» в тюрко-монгольских языках. Возможно, все эти схожие названия племен усуту-ирган или урсут, усухань и усы юаньских источников, а также усуту-мангун Рашид ад-дина обозначают один и тот же народ. Во всяком случае, во всех этих названиях имеется лексема усуту, су, обозначающая воду. Водяные (су) монголы или татары также упоминаются в работах китайских и европейских путешественников в Монголию XIII в. [19].

Сведения о стране Анкара-мурен Рашид ад-дин приводит в разделе о племени буир-нурских татар, где рассказывается о бегстве остатков татар в дельту Ангары, она «течет в одну область, по соседству с которой находится море». Этот эпизод разные исследователи даже связывали с Ледовитым океаном. Но, как объяснил А.В. Харинский, средневековые авторы ошиблись, указывая, что Ангара течет в море, вместо слова «вытекает», так как Ангара берет начало из Байкала и течет в обратном направлении [48, с. 106]. По предположению А.А. Семенова – автора примечаний «Сборника летописей», в данном случае речь идет о левобережных притоках Ангары, которые впадают в реку недалеко от ее истоков, т.е. недалеко от Байкала [40, с. 102].

По мысли Б.Р. Зориктуева, несуразность с истоком Ангары и повествованием о племени татар возникла из-за существования промежуточной фразы, выпавшей из текста. Рассказ об обитателях Ангары был введен в раздел о татарах, чтобы рассказать об экспедиции Сорхухтани-беги, отправленного в поисках серебряной страны в Приангарье [14, с. 148]. Однако и в других источниках также можно найти сведения о местожительстве татар именно на территории Прибайкалья. Например, в «Кратких сведениях о черных татарах» Пэн Да-я и Сюй Тина упоминается водный народ (Usu irgan ‘водный народ’). «Прямо на север – да-та [они племя урсутов] и меркиты, прямо на юг – сихи» [52, с. 153]. Таким образом, урсутами называли именно татар.

* * *

Историография по истории средневековых татар насчитывает солидную базу. Г. Миллер в описании Сибири, которое первоначально носило название «Описание Сибирского ханства», уделяет огромное место истории средневековых татар [34, 35]. По его мысли, от Урала до Енисея существовала единое татарское государство. В этой концепции огромное место уделяется народу саха как потомкам приангарских татар, описанных Абульгази [1]. Из заключения о принадлежности обширных степных и таежных пространств Азии татарам исходит труд Н. Витзена «Северная и Восточная Тартария» [10]. И. Страленберг разработал концепцию о татарской семье языков, включив туда саха [56]. Первоначально работа Абульгази, бухарского хана XVII в., издавалась под названием «Родословная татар», потом была изменена на «Родословную тюрок» [1].

Как утверждает автор «Истории татар», сочинения XIII в., Ц. де Бридиа: «Выступил в землю соседнюю, прилегающую к ним со стороны востока, которая ими же называется Су-Моал, то есть водные монголы, ведь су по-татарски означает aqua (вода). Однако сами [они] называют себя тартары от [названия] большой и стремительной реки, которая пересекает их землю и называется Таттар. Ибо *tama* на их языке означает на латыни *trahere* (тащить), а *тартар* – *trahens*» (тянущий)» [52, с. 100–101]. Для сравнения, в якутском языке слово тардар означает тянуть, есть приток Лены по имени Таатта, по названию этой реки свое имя получил Таттинский улус. Этот улус происходит от рода дьохсогон (жексогон), основанного батулинским тойоном Кээрэкээн, перекочевавшим в 30-х гг. XVII в. с острова на Средней Лене на р. Таатта.

В Трогирском кодексе один раз употреблен термин *Tatar*, «по мнению иных, *tatar* [по-монгольски] означает множество». Брат Салимбене Пармский, передавая свой разговор с Иоанном де Плано Карпини, пишет: «И сказал он нам, что они называются не тартары, а таттары», и поэтому в своей хронике брат Салимбене далее использует «таттары» вместо «тартары» [52, с. 130].

В книге Плано Карпини о тартарах (татарах) также говорится о том, что «су-монголы, то есть водные монголы; сами же они именовали себя тартарами по названию некой реки, которая протекает через их землю» [54, с. 508]. Так название татар, тартар связывается с племенем су-монгал или «водными монголами» [52, с. 154].

Бизли, приводя большой сравнительный этимологический материал по вопросу о происхождении всех обозначений племени монголов, замечает, что «к су-монголам преимущественно применялось название татар в отличие от великих монголов, или монголов собственно» [3, с. 508].

Название усуту-мангун можно восстановить как водяные, речные монголы. Тем более, что Рашид ад-дин четко говорит, что они считаются монгольским племенем, не отличаясь от них по образу жизни. Западноевропейские путешественники в своих записках отразили этническое самосознание средневековых монголов, согласно которому они состояли из трех народов: йекамонголов, су-монголов, или татар, и меркитов [19, 43]. Название «су-монгол» происходит от тюркского слова «су» – вода, присоединенного к племенному названию «монгол», что можно перевести как «водяные монголы», или иначе «монголы вод» [19, с. 383].

По мнению Б.Р. Зориктуева, имеются все основания утверждать, что мангун является вариацией этнонима мангол и что носители названия усуту-мангун были частью той этнической общности, которая находилась в Эргунекуне. Проживая на Аргуни, предки монголов занимались охотой и рыболовством, то есть окружающее население по роду занятия называло их усуту-мангол, что значит «водяные монголы» [14, с. 54]. Данный исследователь считает усуту-мангунов изначальными монголами, от которых отделились великие монголы.

Есть мнение, что обозначение «дикие» или «водяные» монголо-татары могло относиться к предкам бурят. В периферийной зоне тюркского этнического мира монгольские племена впервые могли появиться в результате бегства представителей проигравших в гражданской войне сторонников Джамухи. Весьма любопытно, что впервые именно среди татарских племен в первой половине XII в. упоминаются «ойрат-бурийаты». Считается, что, разгромленные первыми монгольскими хаканами в районе озера Буир-Нора, они отступили в леса Прибайкалья. Ранний этап этногенеза предков бурят и саха не отделим друг от друга.

От татар сохранились антропонимы, например, жены Чингиз-хана Есуй и Есуган, Мегуджин-Сеульту, Алак-Удур – его сын, Матар, Темучжин, Шики-Хутуху; названия местностей, где происходили кровопролитные схватки татар с монгольскими армиями: Далан-Немургес, Буир-Нур. Относительно этнической принадлежности татар, упомянутых в орхонских надписях, П. Пелльо замечает: «Допустимо, что они уже тогда были монголоязычны; впрочем, титулатура и номенклатура татар в XII в. сохраняли следы тюркского влияния» [23, с. 147].

По свидетельству Рашид ад-дина, многие тюркские народы, желая возвысить свой род, называли себя монголами. Так, был Моголистан на территории современного юго-восточного Казахстана, Кыргызстана и Уйгуристана. После падения монгольских империй эти могольские племена «исчезли». Характерно, что в именах первопредков и прародины саха, в фольклоре фигурируют имена многих средневековых племен Байкала – туматы, урянхай, татар, байагу, хори, монгол, батулинцы.

В согласии с традицией, отождествляющей этнос с этнонимом, слово монгол в языках алтайских народов принято связывать с монголами Чингиз-хана и его преемников. Между тем, достоверно неизвестно само происхождение этнонима монгол. В якутской мифологии и эпосе Тьюэнэ Могол Тойон – первопредок саха, страна Могол Тойоно находится на Средней земле. В фольклорных и архивных источниках фигурируют божество-покровитель домашнего скота Могол Тойон ‘Большой Господин’, Тьюэнэ Могол – покровитель конного скота, Могол Хотун ‘высокая Госпожа Могол’, Могол тойон – дух-хозяин очага [26]. Таким образом, термин могол, как и другие названия – байаат, ураанхай – был среди названий древних предков народа саха.

Из сюжетов якутского фольклора следует, что термин могол в старину имел сакральное значение, связанное с почитанием земли, домашнего очага. Однако в других тюркских языках имеется аналогичное слово мэңгу – вечный, памятник, могила. К тому же С.И. Машинский русское слово могила производит от слова сибирских татар ‘могол’ – ‘стог сена’. Первым версию о тюркском происхождении этнонима монгол выдвинул Д.С. Дугаров, который

вывел этимологию названия от уйгурского слова монгул, алтайского монгус – со значением «сильный, герой, боец» [13, с. 204–206].

Согласно фольклорному источнику, когда предки саха жили вокруг Байкала и реки Ангара, у них был кузнец по имени Тюёнэ Могол [6, с. 71]. Еще В.П. Васильев выдвинул гипотезу о существовании двух владений монголов [8, с. 81, 134, 159–161, 165, 166]. В этой связи любопытен вывод К. Риттера о том, что имя «мэнгу» очень похоже по звучанию на «монгу», т.е. «монголы», и что оно «принадлежало одному племени речной области Байкала еще за два века до Чингиз-хана» [33, с. 163].

Сяо Хун проводил опросы о прошлом монголов и узнал, что монголы – это давно истребленный народ, проживавший к северо-востоку от чжурчженей и воевавший с империей Цзинь. Сами монголы называли себя татарами и приняли имя монгол в память об этом воинственном народе [36]. Безусловно, во взаимоотношениях имен монголов и татар кроется какая-то тайна, раскрытие ее пролило бы свет на истинное происхождение монголов. Возможно, именно татары Буир-Нура, потом Ангара назывались монголами, а имя татар было надэтническим, она обозначало всех степняков Центральной Азии.

Еще Г. Дерфер пришел к выводу, что имя татар монголы сами избрали с целью избежать возмездия со стороны божеств завоеванных стран [54, с. 522]. Аналогично и татары Приангарья, следуя своим шаманским традициям, могли избрать имя могол-монгол с целью запугать духов, отождествляя это имя с могилой – Нижним миром.

Поэтому интересны данные бурятского фольклора о том, что до прихода бурятов в Прибайкалье проживал легендарный народ «хара монгол». Именно с ними буряты связывают древности края. А.В. Тиваненко обитавшим в Ольхоне «хара-монголам», или «монголам-бурханам», приписывает типично кырыканские каменные стены (городища) и наблюдательные вышки, называемые «шулуун монгол шибээ» – «каменные монгольские крепости», а также особо большое число древних некрополей. Согласно шаманской мифологии, «монголы-бурханы» («хара-монголы») являлись коренными жителями Прибайкалья. С хара-монголами связываются духи – хозяева тех мест, где стояли их юрты и располагались кочевья. Некрополи, расположенные в устьях впадающих в Байкал рек, подчинялись некой религиозно-мифологической идее, согласно которой Малое море могло мыслиться местом упокоения душ умерших предков [45, с. 103–109]. Таким образом, слово монгол в якутской и бурятской традиции связано с культом предков и не имеет непосредственной связи с обозначением современных монголов.

Якутские шаманы в древности могли проводить ритуальные обряды с целью отвести чары злых сил, преследовавших предков саха. Так, Я.И. Линденау еще во время ысыаха в XVIII в. записал старинный алгыс, произносимый с целью умилостивления Адьярая – властелина темных сил:

«Тюмэни юёдюппют Тюмэлдьин тойон,
Муну юёскэппит Муналдьын хатын,
Кунакыа кыыс» [7, с. 30].

В этом алгысе упоминается некий персонаж «Тюмэлдьин тойон», имя которого поразительно напоминает имя победителя татар Темучина, слово тюмэн можно перевести как «истребление, разгром», хотя некоторые его переводят как «тысячное войско».

По данным Г.Ф. Миллера, Tumedsjin-ogonjor – бог рогатого скота, его жена Mongadschin-chotun, сын Onochtschun-ol, Tumedschin-Tojon – покровитель скотоводства, «коровий Бог» [51, с. 123]. Следует вспомнить, что Есугей дал своему сыну имя вождя воинственного племени татар, убитого им в битве. По этим материалам, конное божество носило имя Джесегея. Видимо, с почитанием этих божеств-покровителей домашнего скота следует связывать обычай захоронения рядом с умершим коней и коров, прослеживаемый в материалах усть-талькинцев и в культуре кыргыс-этэхёв Средней Лены.

В периферийной зоне происходило взаимное проникновение и смешение родов между северными тюрками, монголами и тунгусами, поэтому попытка определить изначальную языковую принадлежность носителей имен уранхай, монгол, татар, хори-тумат и т.д. является неперспективным занятием. Таким образом, упоминание на территории Приангарья этноса с именем монгол, не следует связывать исключительно с монголами, это название также является одним из имен предков тюркского народа саха.

И. Линденау отмечал, что саха монголов знают под именем «мункал». Слово «мунхаал» в качестве этнонима встречается в олонхо «Мюлдью Бёгё» в сочетании со словом ойуун (шаман). В этом олонхо встречается и слово «могол» при упоминании урасы (юрты) [17, с. 58]. Следовательно, в этносознании саха слово «могол» – древнее самоназвание предков, «мунхаал» – название чуждого народа, с эпитетом – «горемычный», «бедовый». Примечательно, что, согласно Рашид ад-дину, «слово монгол сперва звучало мунгол, т.е. “бессильный” и “простосердечный”» [38, с. 154].

Письменные источники о племенах Байкала в XIII в. активно дополняются археологическими материалами. По одной версии, именно племени усуту-мангун принадлежали памятники усть-талькинской археологической культуры Южного Приангарья [49]. По другой версии, они вместе с хори-туматами были носителями усть-талькинской культуры, однако могли жить на территории Северного Приангарья [41, с. 154].

По А.В. Харинскому, имя племени усуту-мангун сравнимо с именем четырех их областей – Мангу [48]. В интерпретации Ю.А. Зуева название области Мангу превращается в Мюнгю – обозначение «серебра» в тюркских языках. Это название уже близко к имени крупнейшего якутского улуса Мэнгэ, которое воспроизводится от схожего слова мэнгэ ‘вечный’. Рашид ад-дин, характеризуя область Ангары, где проживали усуту-мангуны, пишет: «По-всюду там серебро» [15, с. 135]. Правда, Ю.А. Зуев считает, что сюжет о четырех областях «серебряной» страны ошибочно отнесен к Ангаре, а целиком относится к Внутренней Монголии, где жили татары и находились кимекские племена [15].

Усуту-мангунов Б.З. Нанзатов и другие авторы отождествляют с монгольским племенем мангытов [37, с. 397]. Однако усуту-мангуны – жители Приангарья и мангыты – монгольское племя являлись племенами различной этнической принадлежности.

Согласно сочинению Абульгази, довольно много родов татар в XIII в. жило на Ангаре. В устье реки, на берегу моря, стоял большой город; вокруг него было много селений, стада и табуны пасущегося скота были многочисленны. Этот город они называли Алакчин. Близ него были серебряные рудники; у его жителей котлы, чашки, блюда были сделаны из серебра [1]. Из

описания четырех областей «пеголошадников» вытекает, что жители Ангары были оседлой народностью, а не кочевым племенем. Возможно, не случайно в составе областей «пеголошадников» можно найти названия, близкие к именам Кангаласского, Мегинского и Намского улусов саха.

Этноним алакчин явно связан с названием племени алчи-татар, в женском роде будет алчин-алакчин. Следовательно, из средневековых татар именно алчи-татары проживали в легендарной стране Алакчин, расположенной в Приангарье. Исходя из этого, можно выразить сомнения по поводу преемственности между бома-алатами и более поздними алакчинами и также булагатами.

О мастерстве якутских и бурятских ювелиров, изготавливающих серебряные изделия, свидетельствуют несколько этнографических трудов. Еще Ф.М. Зыков сделал вывод о том, что серебро и серебряные вещи, сделанные в XVII в., имеют местное, якутское происхождение. Этот автор также полагал, что в период расцвета серебряного дела существовали мастера, занимавшиеся изготовлением ювелирных украшений, умевшие делать из серебра и золота около сорока видов различных предметов, в том числе посуду, предметы личного обихода и культового назначения [16, с. 16–17; 18, с. 112–114]. Следовательно, этническое определение, данное Абульгази алакчинам: «у них все кони пегие, а очаги золотые», вполне применимо к поздней якутской культуре – преемственной от алакчинов.

Сюжет о походе монголов на Ангару во времена правления ханши Сорхухтани (середина XIII в.) встречается в труде Рашид ад-дина там, где рассказывается о племени татар. Согласно ему, племена татар, дурбан, салджиут, катакин объединились и проживали в низовьях рек, где берет начало река Анкара-мурен. При этом говорится, что Ангара течет в одну область, по соседству с которой находится море. Эта область состояла из четырех округов, лошади у них были пегими (ала) и было много серебра [41, с. 102].

Поход монголов во время правления Сорхухтани-беги в Приангарье был неудачным: «Соркуктани-беги послала с тысячью людей на корабле [в ту страну] трех эмиров с тысячью мужей, они доставили к берегу [из глубины страны] много серебра, но положить его на корабль не смогли. Из того войска больше 300 человек не вернулись обратно, оставшиеся погибли от гнилости воздуха и от сырых испарений. Все три эмира [впрочем] возвратились благополучно и жили долго [после того]» [51, с. 102]. Эти сведения нуждаются в комментарии. Безусловно, тут преобладает легендарный сюжет о покорении монголами всех границ мира, где монголы терпят катастрофу, переступив границу реального, обитаемого мира [53]. Однако эти сообщения свидетельствуют о том, что для монголов и до середины XIII в. Приангарье или Прибайкалье представляло собой все еще непокоренную территорию, куда бежали свободолюбивые племена. В Приангарье, в таежной зоне Верхней Лены образовалась своего рода «Запорожская Сечь» из удальцов разных племен, упорно воевавших с Чингиз-ханом.

Следует заметить, что указанные племена входили в состав конфедерации Джамухи и могли именно после его поражения переселиться в Прибайкалье. По версии Б.З. Нанзатова, во втором упоминании татар в сочинении Рашид ад-дина они наряду с хатагинами, салджиутами и дурбанами были размещены в районе низовьев правых притоков Ангары, в районе рек Иркут,

Китой, Белая Унга. Со средневековыми татарами он связывает бурятские племена тэртэ и саган [37, с. 416]. Однако, по данным бурятских летописей, представители рода тырте (тэртэ) во время войн Галдан-Бошоку бежали из Халхи в западном направлении [50, с. 123].

Следовательно, разбитые буир-нурские татары уже в начале XIII в. нашли новую родину в Южном Приангарье. Если они не принимали участия в этногенезе бурятов, то куда же тогда могли подеваться? Во время похода Джучи против «лесных народов» в 1207 г. усуту-мангуны и «пеголошадники» не упоминаются, но они уже были в Приангарье во времена правления Сорхухтани-беги в середине XIII в. Таким образом, появление племени алчин татар в Приангарье могло спровоцировать возрождение старинной легенды о «пегом» (ала) народе.

Таким образом, племя усуту-мангун (су у монгол или татар) имеет самое непосредственное отношение к этногенезу саха. Становится ясно, что именно с ними следует связать обитателей Усть-Талькинской археологической культуры XII–XIV вв. на территории Южного Приангарья. Из анализа источников вытекает, что область Ангары была местом обитания легендарных племен: это четыре области серебряной страны, идентичные с местами обитания «пеголошадников» – алакчинов, бежавших от мести Чингиз-хана других татарских родов, загадочных водяных монголов – усуту-мангун. С большой долей вероятности можно утверждать, что все эти известия связаны с одним и тем же народом – татарами, быстро исчезнувшими с территории Прибайкалья.

Следует отметить удивительную связь сведений о появлении буир-нурских татар в Приангарье с фольклорными источниками саха о своих предках. В другом фольклорном источнике речь идет о возникновении «огненной войны» Чыныс Хаана, в результате которой племена различной этнической принадлежности были вынуждены бросить прежние места жительства и уходить по верховьям рек в разные направления. В это же время, совершив много злодеяний, проиграв в сражении, предки саха ушли с прежних мест обитания, убегая по верховьям рек [6, с. 30]. По другому источнику, предки саха из племени *татаар*, проиграв в войне, бежали и до переселения на Лену проживали по Ангаре [6, с. 32].

Нужно отметить, что фольклорные источники саха в большинстве случаев прародителя Эллэя, иногда Омогоя, называют выходцем из народа *татаар*. Рассказывается о том, что Омогой Баай, «проживая в стране татаар, в результате вражды был вынужден бежать, куда понесут ноги» [6, с. 31–32].

Причина появления Эллэя на Средней Лене объясняется следующим. Эллэй ранее жил в татарском городе. Оттуда он убежал от притеснений сумашедшего царя. По другой версии, он бежал от притеснений монголов. Есть также версия, что Эллэй был обвинен братскими (бурятскими) племенами в конокрадстве, отчего и убежал в Китай. Затем, когда китайский царь поручил ему поймать и привезти обезьяну с морского дна, он якобы убежал на север [39, с. 295]. В этих преданиях важным представляется мотив преследования предков саха монголами и каким-то царем, а также обвинение их в конокрадстве.

Действительно, в источниках говорится о бегстве вниз по Онону остатков неукротимых татар, во главе которых стоял Алак-Удур – сын татарского царя Мегуджин-Сеульту. В «Сокровенном сказании монголов» встречается

еще один Алак-Удур из племени меркит, упоминаемый Дай-Сэченом в качестве одного из претендентов на общемонгольский трон.

Наша версия о происхождении предков саха от татар, безусловно, в будущем может подвергнуться критике, поскольку имя татар в народном представлении прочно ассоциируется, с одной стороны, с тюркскими народами – потомками Золотой Орды и с другой – с образом монголоязычных (?) кочевников. Сохранилась старинная якутская поговорка «Татаар тыллаах таба тайамматын» – «Пусть человек с татарским языком не тронет тебя». Конечно, это как бы показывает иноязычность и враждебность татар в представлении древних саха.

В связи с этим хотелось бы подчеркнуть данные об участии двух компонентов в этногенезе саха: «У якутов одна ветвь – монголы, а другая восходит к Татаару Тайме, проживавшему на земле ураангхай». Следует заметить, что этот фольклорный источник довольно точно отражает исторические события: «На южной стороне именованного озера Байкал есть, говорят, родина монгольского племени. В старину на этой земле, где господствовал тогда Чынгыс Хаан, вспыхнула огненная битва, всколыхнувшая весь мир. Спасаясь от этой битвы, проживавший там удалец по имени Татар Тайма вместе с несколькими людьми взял свои богатства и, покинув свою родину, двинулся на север, в край Ураангхай, находящийся около озера Байкал. Этот Татаар Тайма уже в ту пору имел лошадей и рогатый скот, работников, сам был воином. От него был рожден сын по имени Эллэй, который, живя вместе с отцом на земле ураангхай, стал по существу ураангхай. Когда число этих людей умножилось, после смерти царя монгольских племен Чынгыса Хана правил ими его сын Хаан Тойон. Во времена власти этих царей вспыхивали великие сокрушительные битвы, из-за которых житель земли монголов по имени Онохой, монгол по крови, тогда, когда жил Татаар Тайма, с женой, детьми, скотом, домохозяевами убежал на север» [39, с. 55–71].

В фольклорных источниках также сохранилось смутное упоминание о том, что предок саха Татаар-Тайма был пришельцом из далекой страны, а его сына Эллэя хотели уничтожить родичи со стороны матери, поэтому он бежал с родины, перейдя через Саянский хребет [27, с. 165]. В заключение хотелось бы поставить вопрос об оригинальности устных источников саха, необходимости введения их в научный оборот.

Согласно Г.В. Ксенофонтову, мысль о татарском происхождении саха могла зародиться сначала среди русских старожилов Якутска, потом была усвоена самими саха. По его мнению, саха с татарами познакомились только в XIX в. после прибытия ссыльных татар в улусы [28, с. 39]. Однако еще в XVIII в. в Намском улусе почитали в качестве высших божеств Кыыс-хаана – «в образе лебедя», Могол-хаана, Татаар-тайму. В то же время намцы общеякутские божества Хоро-тангара и Хотой-тангара почитали только из уважения к бабкам и матерям из других улусов, почитавшим орла как божество [51, с. 119]. Таким образом, саха, безусловно, считали средневековых татар своими предками. Тот факт, что только намцы почитали божеств под именами Могол и Татаар, свидетельствует о том, что именно они могли быть собственно потомками водяных монголов и татар, или усуту-мангун.

Г.В. Ксенофонтов сам же обратил внимание на то обстоятельство, что такой осведомленный и внимательный автор, как Г.Ф. Миллер выводил пред-

ков саха не от минусинских татар, а от настоящих татар Внутренней Монголии. Как указывал ученый, якуты кочевали с татарами Абульгази и монголами, а не жили среди татар Минусинского края, может статься, самих татар служило в войске Чингиз-хана больше, чем самих монголов, поэтому их имя получило широкое распространение [27, с. 46–47, 49]. По его мнению, «якуты не только не исключаются из числа татар, когда-то живших в Монголии, но даже выделяются из среды прочих, как наиболее отчетливо сохранившие следы своего соседства с древними монголами» [27, с. 52].

* * *

Оригинальную концепцию по поводу происхождения племени усуту-мангун выдвинул Ю.А. Зуев. Название племени усуту-мангун им переводится как «речные драконы». Далее это имя отождествляется с кимакским племенем аджилар (от авестийского *azi* – змей) [15, с. 133]. Однако этимология имени усуту-мангун, предложенная Ю.А. Зуевым, не выдерживает сравнения с точным определением термина усуту-мангун как водяных монголов. Гипотеза Ю.А. Зуева о связи четырех областей «серебряной» страны в Приангарье с кимеками на первый взгляд вызывает удивление, однако происхождение усть-талькинцев связывается с проникновением кимакских племен в Прибайкалье [38, 49]. Далее на Средней Лене обнаруживается влияние кимакского компонента [9, 11, 46]. Одно захоронение с конем, сопоставимое с кимако-кыпчакскими племенами, относящееся к XI–XII вв., было раскопано в Северной Монголии Л.А. Евтюховой [38, с. 148].

Поэтому поставим вопрос о том, какое средневековое племя Прибайкалья можно связать с кимаками? Версия В.С. Николаева о связи туматов с кимакским миром была раскритикована А.В. Харинским. Последний убедительно показал, что на территории Тувы, откуда мигрировали туматы, не было схожих погребений с конем [49]. Ю.А. Зуев связывает ранних кимаков или, согласно ему, кимеков, с Хинганом, возводя их к огузо-татарам; они были известны древним тюркам под именем племени Кумуш [15, с. 125]. Географический трактат неизвестного персоязычного автора «Худуд ал-алам», написанный в 982–983 гг., причисляет татар к токуз-огузам – «самым богатым среди тюрков» [5, с. 12].

Четыре области серебряной страны в Приангарье Ю.А. Зуев обозначает под именами Алакчин (у Рашид ад-дина – Адутан), Мюнгю – от слова серебро и локтан – по имени кимекского племени лотань. С названием города Канкати связывает этноним канглы – Канцзюй. В.В. Бартольд и другие исследователи читали название этого кыргызского города на Ангаре в труде Рашид ад-дина как Кикас. Однако серьезным преимуществом работ Ю.А. Зуева является поиск связей сведений из письменных источников с мифологией современных алтайских народов. Так, им упоминается записанная Е.Н. Широкогоровой легенда о тунгусском строителе крепости Канкати, откочевавшем за Байкал [15, с. 112]. Местное население древние поселения по реке Ган связывало с вождем Гантимуром из рода баягиров [15, с. 110]. Кимеков Ю.А. Зуев связывает с близнечным индийским мифом о Йаме и Йами, при этом на Алтае персонаж Йимак известен под именем Нам [15, с. 113].

Для понимания этнической личности алатов или татар нужно установить местонахождение упомянутого Рашид ад-дином города Кикас. Имя этого го-

рода Ю.А. Зуев переводит как Канкати, а Абульгази называет его Алакчин. Считается, что в начале II тыс. н.э. северная граница владений енисейских кыргызов доходила до места слияния Ангары и Енисея, где находился город Кикас, и «город тот принадлежит к области киргизов». Таким образом, владения кыргызов распространялись вплоть до низовьев Ангары, где, по сведениям Рашид ад-дина, находился белокаменный кыргызский город Кикас [42, с. 121]. Однако легенду о белокаменном городе на Среднем Енисее упоминают и иностранные путешественники в XVI–XVII вв. [2]. Таким образом, рассказ о существовании огромного белокаменного города рядом с Полярным кругом можно считать бродячим мифом, миражом.

Возможно, алакчины или татары Ангары могли жить и в Северном Приангарье или на Среднем Енисее. В труде Рашид ад-дина говорится, что их области соприкасаются ... далее пропуск, следует догадаться, что речь идет о кыргызах. Современные хакасы тоже имеют самоназвание *тадар кижги* (татар кеше), племена качинцев и сагайцев формировались на Среднем Енисее, в районе современного Красноярска. В 1976 г. Л.Р. Кызласовым была обнаружена в Хакасии, близ р. Уйбат, стела с рунической надписью (девятый памятник с Уйбата), изданный И.Л. Кызласовым, а затем повторно прочтенный и интерпретированный С.Г. Кляшторным [28, с. 21–22; 20, с. 33–36]. В первой строке этой надписи упомянут «татарский враждебный эль» и сообщается о выплате татарами дани или контрибуции [21, с. 139–147]. На самом деле эта надпись могла быть написана значительно позже и могла свидетельствовать о покорении енисейскими кыргызами татар Приангарья.

Сагайцы считаются потомками племени сакаитов, известными под именем цзубу (тибетское сог-по от сак). То же самое следует сказать о качинцах рода соххы. Об участии татар в этногенезе минусинских *тадар* повествует хакасский фольклор. Из историков К. Торбостоев в своей кандидатской диссертации выдвигает версию о возможности участия центральноазиатских татар в этногенезе современных хакасов. Татары-саха могли содействовать распространению тюркского языка среди самодийских и енисейских родов Среднего Енисея и таежной зоны Кузнецкого бассейна.

В работе Ю.А. Зуева большое место уделяется анализу мифов и сюжетов о Драконе, так как, по его мнению, в этой легенде заложен генеалогический миф кимеков [15, с. 110–124]. В «Эллэйаде» можно найти параллели и с мотивом кимакской (как известно, сами кимаки произошли от татар) легенды, когда шад, стоя на берегу Иртыша, слышит голос, но находит в воде только волос, оказавшейся его женой, упавшей в воду, которую схватил дракон [4, с. 95–96]. Так, царь Хаан-Боллох дает наказ Эллэю достать со дна моря женщину, живущую там. Она якобы приходится дочерью морского зверя, но называется особым зверем, существующим в горах. Когда, сидя на вершине утеса, он расчесывает волосы, отражение его бывает видно в воде [31].

Таким образом, Ю.А. Зуев считает Внутреннюю Монголию восточной родиной племени кимеков [15, с. 110]. По его мнению, кимекский миф имеет единственный географический ориентир – гора Манкур. Можно привести тот факт, что в стране кимаков в центре их кочевий находилась гора Манкур. Имея в виду это, С.М. Ахинжанов кыпчакское племя манкуроглу связывает с кимаками [4, с. 154–155, 263]. Скорее всего, название гор, как тотем, было закреплено за отдельной группировкой кимакских племен [4, с. 107]. Поэто-

му для нас важным представляется тот факт, что в сюжете якутских легенд о предке саха Омогой Баайе сообщается о далекой стране народа Монкуур, где он сначала проживал [6, с. 23]. По Ю.А. Зуеву, на территории Центральной Азии имеются несколько топонимов Манкур, что обусловлено перемещениями самих кимеков [15].

С.М. Ахинжанов установил, что истинным самоназванием народа кимак арabo-персидских источников могло быть имя уранкай [4, с. 116]. По кимакской легенде, прародителями народа явились беглые люди из племени татар, в составе кимаков было племя под именем татар. С этим можно согласовать мотив якутских преданий о происхождении, согласно которому предки саха были из племени *tataar*, проживавших в стране Ураанхай. Таким образом, кимаки могли иметь тотемное имя уранкай от слова «змея» в тюркских и в монгольских языках (гипотеза С.М. Ахинжанова), этот же этнос мог называть себя именем кимек-йемек от почитания персонажа Йама (по версии Ю.А. Зуева), к ним же относились этнонимы Кумуш – Мэнгу от термина «серебро, серебряный». Древнее самоназвание саха ураанхай, возможно, имеет связь еще и с именем кимаков-татар уранкай, мигрировавших из Внутренней Монголии, что также подтверждает наши заключения.

Исследователи указывают на сходство погребального обряда кимако-кыпчакских племен с усть-талькинскими могильниками [38, с. 149]. В Забайкалье были обнаружены погребения с конем, датированные монгольским временем, они характерны для средневековых кыпчаков [30, с. 51]. В составе кыпчакских племен упоминаются прежние обитатели Байкала: баргуты, байауты, а также уран и каи, канглы; к тому же в качестве предков кыпчаков выступают племена уранкайцев [4, с. 116–118] и басмылы [22, 23] – потомки бома-алатов. Так, согласно сведениям из летописи «Юань-ши», кыпчаки появились в XI в., мигрировав из Внутренней Монголии – своей прародины. Следовательно, антропология движений приводила к обратным миграциям племен, приносивших с собой новые культурные и языковые влияния. Более подробно о вопросах этногенеза кыпчаков и кимаков в связи с проблемой этногенеза саха написано у нас в монографии [47].

Персидский историк середины XI в. Гардизи сообщает, что татары являются одним из семи племен, входящих в кимакский каганат, и пересказывает легенду о том, что кыпчаки, кимаки и татары происходят от общих предков – татар [5, с. 44]. Следовательно, кыпчаки происходили от татарских племен Внутренней Монголии. Возможно, именно древний татарский язык мог стать прародителем кыпчакских языков. Говоря это, мы имеем в виду только группу тюркоязычных племен токуз-татар из всего сообщества татарских племен. Видимо, в этот союз входили байси (белые урянхайцы), кыпчаки (байырку-байауты?), часть уйгур.

Спорным является языковая принадлежность буир-нурских татар. Поскольку татары отождествляются с шивеями, то подразумевается их монголоязычие. Но есть и авторы, считающие татар тюркоязычными. Так, Махмуд Кашгари относил татар к тюркоязычным этносам, указывая, однако, что у них имеется и свой (нетюркский) язык. Татары упоминаются в тюркских рунических надписях с 732 по 760 гг. [24, с. 133–134]. В X–XI вв. под именем цзубу татарские племена осваивают всю территорию Монголии. Недаром

Махмуд Кашгарский, живший в XI в., называет обширный регион между Северным Китаем и Восточным Туркестаном «Татарской степью» [24].

По словам С.Г. Кляшторного, ключ к поиску иных территорий расселения татар в X–XII вв. содержится в упоминании Ли Синьчуаня о «границах татар» от Линьхуана (совр. Сира-Мурен) на востоке до границ Си Ся на западе и от Цзинчжоу на юге (близ г. Гуйхуачэн в Суйюани) до киданей на севере [36, с. 51; 21, с. 139–147]. Следовательно, все «шесть татарских юртов», упомянутых Рашид ад-дином, занимали большую часть степной и горно-степной зоны Монголии и Северного Китая [36, с. 51].

Согласно якутским легендам о прародителях, Эллэй и Омогой спустились вниз по Лене, убегая от своих преследователей. В легендах об Эллэе и Омогое наряду с «бродячими сюжетами» есть довольно много подробных сведений о времени «войн Чынгис Хана», спасаясь от которого, ушли на юг предки саха. В этих легендах прародители саха выступают в качестве выходцев из «татаар», «бырааскай», «ураанхай».

Фольклорные сведения приобретают научный характер тогда, когда имеют опору на археологические и письменные источники. Изучение этих источников привело к тому, что происхождение части саха от средневековых курыкан считается доказанным. Однако, согласно имеющимся данным, курумчинская культура имеет земледельческий облик, что резко контрастирует с описанием гулиганей как северных кочевников. К тому же само понятие курумчинской культуры было сформулировано иркутским краеведом Б.Э. Петри в 20-х гг. XX в. на основе подъемных материалов. Теория о курыканском происхождении саха была обоснована Б.Э. Петри и А.П. Окладниковым на основе материалов, обобщающих сведения по истории курумчинской культуры, и данных якутской этнографии: наличие северного типа скотоводства, железной металлургии и тюркского языка. Самый объективный археологический материал – погребальный обряд – свидетельствует о различии между якутскими традициями и раннесредневековыми прибайкальскими материалами.

В XII–XIV вв. в Южном Приангарье появляется народ, придерживающийся обычая закапывать умерших вместе с конем и коровой, в точности так, как это делали якуты в XVI–XVIII вв. Следовательно, в конце XIV в. обитатели усть-талькинской археологической культуры в полном составе переселяются на Среднюю Лену. По сведениям Рашид ад-дина, в XIII в. на Ангаре упоминаются четыре области «пеголошадников» и беглые группы татар, а также племя усуту-мангун. В компилятивном труде Абульгази, обитатели Ангары, как мы уже упомянули, названы алакчинами, притом они же являются татарскими родами, живущими на ее берегах. Это тем более интересно, что в раннюю эпоху, в VII в. н.э., в китайских источниках упоминаются бома. Тюркским эквивалентом их названия было слово ала.

Анализ источников по XIII в. позволяет сказать, что происхождение усть-талькинцев и этнического ядра саха связано с племенем татар, нашедшем новую родину на берегах Ангары. Прежде всего, в фольклорных источниках прародители саха Омогой и Эллэй выступают как выходцы из народа татар. Следует указать, что кангаласцы – этническое ядро саха, по нашему мнению, были частью объединения татар. Племена канглы вплоть до XIII в. жили на территории Центральной Азии. Также существовали тесные этнические связи

между канглы и найманами, керейтами. Возможно, они выступали в качестве тюркского компонента в их составе. В составе огузо-татар Внутренней Монголии или южных шивзев фиксируется наличие страны Канцзюй или племени телесных хэйчэжэ-шивэй [15].

У каждого народа в переломный момент времени появляются герои – национальные лидеры, спасающие народ от истребления. Неизвестный старик из племени татар, бежавший по мертвой пустыне со своим сыном, дал начало новому народу, зародившемуся на Ангаре. Его образ походит на вполне реальную историческую личность. Потом к семье его сына присоединялись убежавшие от монгольской армии другие воины–татары и воевавшие с Чингиз-ханом остатки других тюрко-монгольских племен, которые и стали предками современных саха-якутов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абульгази*. Родословное древо тюрков. Пер. Г.С. Саблукова // «Известия об-ва археологии, истории и этнографии» при Казанском университете. Т. 21. Вып. V–VI. Казань, 1906.
2. *Алексеев М.П.* Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Иркутск, 1941. 500 с.
3. *Алексеев М.П.* Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Издание третье. Новосибирск: Наука, 2006. 504 с.
4. *Ахинжанов С.М.* Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1989. 293 с.
5. *Бартольд В.В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893–1894 гг. // В.В. Бартольд. Сочинения. Т. IV. М., 1966. С. 44.
6. *Боло С.И.* Прошлое якутов до прихода русских на Лену: По преданиям якутов бывшего Якутского округа. Якутск: Нац. кн. изд-во: «Бичик», 1994. 320 с.
7. *Березкин И.Г.* Сайсары кюёлэ уонна Сайсары булгунньага. Якутск: Национальное книжное изд-во «Бичик», 1995. 62 с.
8. *Васильев В.П.* «История и древности восточной части Средней Азии» // Труды Восточного отделения Императорского археологического общества. СПб., 1859. Ч. IV. С. 31–32.
9. *Васильев Ф.Ф.* Военное дело якутов. Якутск: Бичик, 1995. 220 с.
10. *Витсен Н.* Северная и Восточная Тартария / Пер. с голландского В.Г. Трисмана. Амстердам, 2010. Тт. I, II. 1225 с.; Т. III. 579 с.
11. *Гоголев А.И.* Якуты (Проблемы этногенеза и формирования культуры). Якутск: Якутский гос. ун-т, 1993. 200 с.
12. *Головнев А.В.* Антропология движения (древности Северной Азии). Екатеринбург: УрО РАН; Волот, 2009. 496 с.
13. *Дугаров Д.С.* К проблеме происхождения монголов // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Т. I. Археология. Этнология: Материалы международной научной конференции. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. С. 204–206.
14. *Зориктуев Б.Р.* Актуальные проблемы этнической истории монголов и бурят. М.: Восточная литература, 2011. 278 с.
15. *Зуев Ю.А.* Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 338 с.
16. *Зыков Ф.М.* Ювелирные изделия якутов. Якутск, 1976. 64 с.

17. *Зыков Ф.М.* Поселения, жилища и хозяйственные постройки якутов (XIX – начало XX в.). Историко-этнографическое исследование. Новосибирск: Наука, 1986. 104 с.
18. *Зыков Ф.М.* Традиционные орудия труда якутов (XIX – начало XX века). Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1989. 144 с.
19. *Карпини Плано Джованни.* История монголов. Г. де Рубрук. Путешествие в восточные страны. 4-е изд. М.: Мысль, 1997. 460 с.
20. *Кляшторный С.Г.* Девятая надпись с Уйбата // Советская тюркология, 1987. Н. 1. С. 33–36.
21. *Кляшторный С.Г.* Государства татар в Центральной Азии (дочингисова эпоха) // *Mongolica*. К 750-летию «Сокровенного сказания». М.: Наука, 1993. С. 139–147.
22. *Кляшторный С.Г.* История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб.: Филологический факультет СПбГУ (Азиатика), 2003. 560 с.
23. *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи Древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 346 с.
24. *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб.: Петербургское Востоковедение («Orientalia»), 2000. 320 с.
25. *Константинов И.В.* Захоронения с конем в Якутии (новые данные по этногенезу якутов) // По следам древних культур Якутии (Труды Приленской археологической экспедиции). Якутск, 1970. С. 196–197.
26. *Ксенофонов Г.В.* Материалы к II Тому «Ураанхай-сахалар» // Архив ЯНЦ СО РАН, Ф. 4, Оп. 7, Ед.хр. 32.
27. *Ксенофонов Г.В.* Элэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. Новосибирск: Наука, 1977. 245 с.
28. *Ксенофонов Г.В.* Ураанхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. Т. I. Кн. I. Якутск: Бичик, 1992 (1937). 416 с.
29. *Кызласов Л.Р.* История Южной Сибири в средние века: Учеб. пособие для студ. вузов. М.: Высшая школа, 1984. 167 с.
30. *Кызласов Л.Р., Ивашина Л.Г.* Курганы средневековых тюрков в Северо-Восточной Бурятии // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. Новосибирск: Наука, 1990. С. 51.
31. *Кызласов И.Л.* Земледельческое жертвоприношение древнехакасской общины // Советская тюркология, 1987. Н. 1. С. 21–32.
32. *Линденау Я.И.* Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). Магадан, 1983. 176 с.
33. *Медведев В.Е.* К вопросу о средневековой народности мэнгу // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1984. С. 163.
34. *Миллер Г.Ф.* История Сибири: в 3 т. Т. 1. / Г.Ф. Миллер; вст. ст. Е.П. Батяновой, С.И. Вайнштейна. М.: Восточная литература РАН, 1999. 630 с.
35. *Миллер Г.Ф.* История Сибири / Институт этнологии и антропологии РАН. М.: Восточная литература РАН. Т. III. 2005. 598 с.
36. *Мункуев Ц.* Мэн-да бэй-лу (Полное описание монголо-татар). Перевод Ц.Мункуева. М.: Наука, 1975. (Памятники письменности Востока. С. XXVI). 228 с.
37. *Нанзатов Б.З.* Расселение и племенной состав номадов Центральной Азии в предчингисовское и чингисовское время (по данным летописей Рашид ад-Дина) // Монгольская империя и кочевой мир (материалы межд. научной конференции). Кн. 3. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. С. 377–444.
38. *Николаев В.С.* Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV веках: усть-талькинская культура. Владивосток; Иркутск: Издательство Института географии СО РАН, 2004. 306 с.
39. Предания, легенды и мифы саха (якутов) / Сост. Н.А. Алексеев, Н.В. Емельянов, В.Т. Петров. Новосибирск: Наука; Сиб. изд. фирма РАН, 1995. 400 с.

40. *Рашид ад-дин*. Сборник летописей / Примечание. М.; Л., 1952. Т. 1. Кн. 1. С. 102.
41. *Рашид ад-дин*. Сборник летописей. Т. I, кн. 1–2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 221 с.
42. *Савинов Д.Г.* Этническое окружение страны енисейских кыргызов // Малые этнические и этнографические группы. СПб.: Новая альтернативная полиграфия, 2008. С. 110–122.
43. *Сайшиял*. Сказание о Чингисхане. Перевод со старомонгольского Норпола Очирова. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2006. 576 с.
44. *Татаринцев Б.И.* Избранные научные труды. Кызыл: ГУП РТ «Тываполиграф», 2009. 288 с.
45. *Тиваненко А.В.* Древние боги Байкала. Чита: Экспресс-издательство, 2012. 217 с.
46. *Ушницкий В.В.* Проблема происхождения народа саха // Народ саха от века к веку. Новосибирск, 2003. С. 39–61.
47. *Ушницкий В.В.* По следам предков саха в Центральной Азии и юге Сибири. Саарбрюккен. Lambert Academic Publishing, 2011. 350 с.
48. *Харинский А.В.* Предбайкалье накануне образования монгольского государства // Чингисхан и судьбы народов Евразии: Материалы международной научной конференции. (3–5 октября 2002 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2003. С. 104–110.
49. *Харинский А.В., Снопков С.В.* Тункинская долина в монгольское время некоторые аспекты в этно-культурных взаимодействиях // Социогенез в Северной Азии. Сборник статей. Ч. 1. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного технического университета, 2005. 380 с.
50. *Цыдендамбаев Ц.Б.* Бурятские исторические хроники и родословные как источники по истории бурят. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2001. 256 с.
51. *Элерт А.Х.* Новые материалы о пантеоне якутских божеств и духов в первой половине XVIII века (статья первая) Общественное сознание и литература XVI–XX вв. Сборник научных трудов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001. С. 107–124.
52. *Юрченко А.Г.* Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 г. СПб.: Евразия, 2002. 478 с.
53. *Юрченко А.Г.* Империя и космос: Реальная и фантастическая история походов Чингис-хана по материалам францисканской миссии 1245 года. СПб.: Евразия, 2002. 432 с.
54. *Юрченко А.Г.* Историческая география политического мифа. Образ Чингис-хана в мировой литературе XIII–XV вв. СПб.: Евразия, 2006. 640 с.
55. *Юрченко А.Г.* Книга Марко Поло: записки путешественника или имперская космография. СПб: Евразия, 2007. 864 с.
56. *Strahlenberg Ph.* Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730. 373 p.

Сведения об авторе: Василий Васильевич Ушницкий – научный сотрудник сектора этнографии народов северо-востока России, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, кандидат исторических наук (677007, ул. Петровского, 1, Якутск, Республика Саха); voma@mail.ru

THEORY OF TATAR ORIGIN OF THE YAKUTS

V.V. Ushnitsky

(Institute of Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences)

The article examines the problem of the origin of the people of Sakha (Yakutia) in the light of the latest research. Basing on archaeological materials the ethnogenesis of Sakha is associated with the Baikal region's Ust'-Tal'kinsky archaeological culture of the 12th–14th centuries. Analysis of written sources allows to associate representatives of Ust'-Tal'kinsky archaeological culture with the Usutu-mangun tribe identical with the Angara Tatars and referred to in the writings of Rashid al-Din and Abu al-Ghazi. Probably, the Angara Tatars migrated from Central Asia and compactly inhabited the Angara region near Lake Buir-Nur. The article analyzes connection between Sakha folklore sources and real history of Central Asian Tatars.

Keywords: Nomads, ethnogenesis, Central Asia, Tatars, Mongols, archaeology, Baikal region, Yakut Sakha, folklore sources.

REFERENCES

1. Abu al-Ghazi. *Rodoslovnnoe drevo tyurkov* [Genealogical Tree of the Turks], per. G.S. Sablukova. «*Izvestiya ob-va arkheologii, istorii i etnografii*» pri Kazanskom universitete [Proceedings of Archaeological, Historical and Ethnographic Society at the Kazan University]. Vol. 21, is. V–VI. Kazan, 1906.
2. Alekseev M.P. *Sibir' v izvestiyakh zapadno-evropeyskikh puteshestvennikov i pisateley* [Siberia in the Accounts of Western European Travelers and Writers]. Irkutsk, 1941. 500 p.
3. Alekseev M.P. *Sibir' v izvestiyakh zapadno-evropeyskikh puteshestvennikov i pisateley. Izdanie tret'e* [Siberia in the Accounts of Western European Travelers and Writers. Third edition]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2006. 504 p.
4. Akhinzhanov S.M. *Kypchaki v istorii srednevekovogo Kazakhstana* [Kipchaks in the History of Medieval Kazakhstan]. Alma-Ata, Nauka Publ., 1989. 293 p.
5. Bartol'd V.V. *Otchet o poezdke v Srednyuyu Aziyu s nauchnoy tsel'yu 1893 – 1894 gg* [Report on the Travel to Central Asia with a Scientific Purpose in 1893–1894]. V.V. Bartol'd. *Sochineniya* [Writings]. Vol. IV. Moscow, 1966, pp. 44.
6. Bolo S.I. *Proshloe yakutov do prikhoda russkikh na Lenu: Po predaniyam yakutov byvshego Yakutskogo okruga* [The Past of Yakuts before the Arrival of Russians at Lena: According to the Legend of Yakuts from the former Yakut District]. Yakutsk, Bichik Publ., 1994. 320 p.
7. Berezkin I.G. *Saysary kyuele uonna Saysary bulgunn'aga*. Yakutsk, Bichik Publ., 1995. 62 p.
8. Vasil'ev V.P. «*Istoriya i drevnosti vostochnoy chasti Sredney Azii*» [History and Antiquities of the Eastern Part of Central Asia]. *Trudy vost. otd. imperator. arkheol. obshch-va* [Proceedings of the Eastern Branch of the Imperial Archaeological Society]. St. Petersburg, 1859. Part. IV, pp. 31–32.
9. Vasil'ev F.F. *Voennoe delo yakutov* [Military Art of the Yakuts]. Yakutsk, Bichik Publ., 1995. 220 p.
10. Witsen N. *Severnaya i Vostochnaya Tartariya* [Northern and Eastern Tartary]. Per. s gollandskogo V.G. Trismana. Amsterdam, 2010. Vol. I, II. 1225 p.; Vol. III. 579 p.
11. Gogolev A.I. *Yakuty (Problemy etnogeneza i formirovaniya kul'tury)* [The Yakuts (problems of ethnogenesis and formation of culture)]. Yakutsk, YaGU Publ., 1993. 200 p.

12. Golovnev A.V. *Antropologiya dvizheniya (drevnosti Severnoy Azii)* [Anthropology of Motion (antiquities of the northern Eurasia)]. Ekaterinburg, UrO RAN; Volot Publ., 2009. 496 p.
13. Dugarov D.S. *K probleme proiskhozhdeniya mongolov* [On the Problem of the Origin of the Mongols]. *Problemy istorii i kul'tury kochevykh tsivilizatsiy Tsentral'noy Azii*. Vol. I. Arkheologiya. Etnologiya: *Ma-ter. mezhdunar. nauch. konf* [Problems in the History and Culture of the Nomadic Civilizations of Central Asia. Vol. I. Archaeology. Ethnology: Proceedings of the International Scientific Conference]. Ulan-Ude, BNTs SO RAN Publ., 2000, pp. 204–206.
14. Zoriktuev B.R. *Aktual'nye problemy etnicheskoy istorii mongolov i bu-ryat* [Actual Problems of the Ethnic History of the Mongols and Buryats]. Moscow, Vostochnaya literature Publ., 2011. 278 p.
15. Zuev Yu.A. *Rannie tyurki: ocherki istorii i ideologii* [The Early Turks: Essays on History and Ideology]. Almaty, Dayk-Press Publ., 2002. 338 p.
16. Zykov F.M. *Yuvelirnye izdeliya yakutov* [Jewelry of the Yakuts]. Yakutsk, 1976. 64 p.
17. Zykov F.M. *Poseleniya, zhilishcha i khozyaystvennye postroyki yakutov (XIX–nachalo XX v.)*. *Istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [Settlements, Dwellings and Farm Buildings of the Yakuts (19th – early 20th centuries). Historical and Ethnographic Research]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1986. 104 p.
18. Zykov F.M. *Traditsionnye orudiya truda yakutov (XIX–nachalo XX veka)* [Traditional Instruments of Labor of the Yakuts (19th – early 20th centuries)]. Novosibirsk, Nauka Publ., Sib. otdelenie, 1989. 144 p.
19. Giovanni da Pian del Carpine. *Istoriya mongolov* [History of the Mongols]. *Guillaume de Rubrouck. Puteshestvie v vostochnye strany* [Travel to the Eastern Countries]. 4-e izd. Moscow, Mysl' Publ., 1997. 460 p.
20. Klyashtornyy S.G. *Devyataya nadpis' s Uybata* [The Ninth Inscription from Uibat]. *Sovetskaya tyurkologiya* [Soviet Turkology]. 1987, no. 1, pp. 33–36.
21. Klyashtornyy S.G. *Gosudarstva tatar v Tsentral'noy Azii (dochingisova epokha)* [Tatar States in Central Asia (pre-Genghisid era)]. *Mongolica. K 750-letiyu "Sokrovennogo skazaniya"* [Mongolica: To the 750th Anniversary of the "Secret History"]. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 139–147.
22. Klyashtornyy S.G. *Istoriya Tsentral'noy Azii i pamyatniki runicheskogo pis'ma* [History of Central Asia and the Runic Monuments]. St. Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2003. 560 p. (Aziatika).
23. Klyashtornyy S.G., Savinov D.G. *Stepnye imperii Drevney Evrazii* [The Steppe Empires of Ancient Eurasia]. St. Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SpBGU, 2005. 346 p.
24. Klyashtornyy S.G., Sultanov Vol. I. *Gosudarstva i narody Evraziyskikh ste-pei. Drevnost' i srednevekov'e* [States and Peoples of the Eurasian Steppes. Antiquity and the Middle Ages]. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie («Orientalia»), 2000. 320 p.
25. Konstantinov I.V. *Zakhroneniya s konem v Yakutii (novye dannye po etnogenezu yakutov)* [Burials with a Horse in Yakutia (new materials on ethnogenesis of the Yakut)]. *Po sledam drevnikh kul'tur Yakutii (Trudy Prilenskoy arkheologi-cheskoy ekspeditsii)* [In the Footsteps of the Ancient Cultures of Yakutia (Proceedings of archaeological expedition to the Lena River)]. Yakutsk, 1970, pp. 196–197.
26. Ksenofontov G.V. *Materialy k II Tomu «Uraankhay-sakhalar»* [Materials for the Second Volume of "Uraankhay-sakhalar"]. *Arkhiv YaNTs SO RAN*, F. 4, Op. 7, Ed. khr. 32.
27. Ksenofontov G.V. *Elleyada: Materialy po mifologii i legendarnoy is-torii yakutov* [Elleyade: Materials on Mythology and Legendary History of the Yakuts]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1977. 245 p.
28. Ksenofontov G.V. *Uraankhay-sakhalar. Ocherki po drevney istorii yakutov* [Uraankhay-sakhalar. Essays on the Ancient History of the Yakuts]. Vol. I. Kn.I. Yakutsk, Bichik Publ., 1992 (1937). 416 p.

29. Kyzlasov L.R. *Istoriya Yuzhnoy Sibiri v srednie veka: Ucheb. posobie dlya stud. vuzov* [History of Southern Siberia in the Middle Ages: Textbook for university students]. Moscow, Vyssh. shk. Publ., 1984. 167 p.
30. Kyzlasov L.R., Ivashina L.G. Kurgany srednevekovykh tyurkov v Severo-Vostochnoy Buryatii [Burial Mounds of the Medieval Turks in Northeast Buryatia]. *Etno-kul'turnye protsessy v Yugo-Vostochnoy Sibiri v srednie veka* [Ethno-Cultural Processes in Southeastern Siberia during the Middle Ages]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1990. P. 51.
31. Kyzlasov I.L. Zemledel'cheskoe zhertvoprinoshenie drevnekhakasskoy ob-shchiny [Agricultural Sacrifice of the Ancient Khakassian Community]. *Sovetskaya tyurkologiya* [Soviet Turkology], 1987, no. 1, pp. 21–32.
32. Lindenau Ya. I. *Opisanie narodov Sibiri (prvaya polovina XVIII veka)* [Description of Siberian peoples (the first half of the 18th century)]. Magadan, 1983. 176 p.
33. Medvedev V.E. K voprosu o srednevekovoy narodnosti mengu [On the Medieval Nation of Mengu]. *Arkheologiya yuga Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Archaeology of Southern Siberia and of the Far East]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1984. P. 163.
34. Miller, G.F. *Istoriya Sibiri: v 3 t* [History of Siberia in Three Volumes]. Vol. 1. G.F. Miller; vst. st. E.P. Bat'-yanovoy, S.I. Vaynsheyna. Moscow, Vostochnaya literatura RAN Publ., 1999. 630 p.
35. Miller G.F. *Istoriya Sibiri. Institut etnologii i antropologii RAN* [History of Siberia. Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences]. Moscow, Vostochnaya literatura RAN Publ., Vol. III. 2005. 598 p.
36. Munkuev Ts. *Men-da bey-lu (Polnoe opisanie mongolo-tatar)* [Mengda beilu (Complete description of the Mongol -Tatars)]. Perevod Ts.Munkueva. – Moscow, Nauka Publ., 1975. (Pamyatniki pis'mennosti Vostoka. S. XXVI). 228 p.
37. Nanzatov B.Z. Rasselenie i plemennoy sostav nomadov Tsentral'noy Azii v predchingisovskoe i chingisovskoe vremya (po dannym letopisey Rashid ad-Dina) [Settlement and Tribal Composition of Central Asian Nomads in the pre-Genghisid and Genghis Khan's Time (according to the chronicles of Rashid al-Din)]. *Mongol'skaya imperiya i kochevoy mir (materialy mezhd. nauchnoy konferentsii)* [The Mongol Empire and Nomadic World (Proceedings of the International Scientific Conference)]. Kn. 3. Ulan-Ude, BNTs SO RAN, 2008, pp. 377–444.
38. Nikolaev V.S. *Pogrebal'nye komplekсы kochevnikov yuga Sredney Sibiri v XII–XIV vekakh: ust'-tal'kinskaya kul'tura* [Nomadic Burial Complexes in the South of Central Siberia from the 12th–14th centuries: Ust'-Tal'kinsky Culture]. Vladivostok; Irkutsk, Institut geografii SO RAN, 2004. 306 p., il.
39. *Predaniya, legendy i mify sakha (yakutov)* [Traditions, Legends and Myths of the Sakha (Yakuts)]. Sost. N.A.Alekseev, N.V. Emel'-yanov, V.T. Petrov. Novosibirsk, Nauka Publ., Sib. firma RAN, 1995. 400 p.
40. Rashid al-Din. *Sbornik letopisey*. Primechanie [Compendium of Chronicles. Commentary]. Vol. 1, kn.1. Moscow, Leningrad, 1952. P. 102.
41. Rashid al-Din. *Sbornik letopisey* [Compendium of Chronicles]. Vol. I, kn. 1–2. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1952. 221 p.
42. Savinov D.G. Etnicheskoe okruzenie strany eniseyskikh kyrgyzov [Ethnic Environment of the Country of Yenisei Kyrgyz]. *Malye etnicheskie i etnograficheskie gruppy* [Small Ethnic and Ethnographic Groups]. St. Petersburg, Novaya al'ternativnaya poligrafiya, 2008, pp. 110–122.
43. Sayshiyal. *Skazanie o Chingiskhane. Perevod so staromongol'skogo Norpol Ochirova* [Legend of Genghis Khan. Translated from Old Mongolian by Norpol Ochirov]. Ulan-Ude, Respublikanskaya tipografiya Publ., 2006. 576 p.
44. Tatarintsev B.I. *Izbrannye nauchnye trudy. Nauchnoe izd-e* [Selected Writings. Academic publication]. Kyzyl, GUP RT Tyvapoligraf Publ., 2009. 288 p.
45. Tivanenko A.V. *Drevnie bogi Baykala* [Ancient Gods of Baikal]. Chita, Ekspres-publ., 2012. 217 p.

46. Ushnitskiy V.V. Problema proiskhozhdeniya naroda sakha [Problem of the Origin of the Sakha People]. *Narod sakha ot veka k veku* [The Sakha People from Century to Century]. Novosibirsk, 2003, pp. 39–61.
47. Ushnitskiy V.V. *Po sledam predkov sakha v Tsentral'noy Azii i yuge Sibiri* [In the Footsteps of the Ancestors of Sakha in Central Asia and Southern Siberia]. Germaniya: Lambert Academic Publishing, 2011. 350 s.
48. Kharinskiy A.V. Predbaykal'e nakanune obrazovaniya mongol'skogo gosudarstva [Cisbaikalia before the Formation of the Mongolian State]. *Chingiskhan i sud'by narodov Evrazii: Materialy mezhdunar. nauch. konf. (3–5 oktyabrya 2002 g.)* [Genghis Khan and the Fate of the Eurasian Peoples: Proceedings of the International Conference. (3–5 October 2002)]. Ulan-Ude, Buryatskiy gosudarstvennyy universitet, 2003, pp. 104–110.
49. Kharinskiy A.V., Snopkov S.V. Tunkinskaya dolina v mongol'skoe vremya nekotorye aspekty v etno-kul'turnykh vzaimodeystviyakh [Tunkinsky Valley during the Mongol Epoch: Some Aspects of Ethno-Cultural Interactions]. *Sotsiogenez v Severnoy Azii. Sbornik statey* [Sociogenesis in Northern Asia: Collected Articles]. Part. 1. Irkutsk, Irkutskiy gosudarstvennyy tekhnicheskii universitet Publ., 2005. 380 p.
50. Tsyendambaev Ts.B. *Buryatskie istoricheskie khroniki i rodoslovyne, kak istochniki po istorii buryat* [Buryat Historical Chronicles and Genealogies as Sources for the History of the Buryats]. Ulan-Ude, OAO Respublikanskaya tipografiya Publ., 2001. 256 p.
51. Elert A.Kh. Novye materialy o panteone yakutskikh bozhestv i dukhov v pervoy polovine XVIII veka (stat'ya pervaya) [New Materials of the Pantheon of Yakut Deities and Spirits in the first half of the 18th century (first article)]. *Obshchestvennoe soznanie i literatura XVI–XX vv. Sbornik nauchnykh trudov* [Social Consciousness and Literature of the 16th–20th centuries. Collection of research papers]. Novosibirsk, SO RAN Publ., 2001, 107–124.
52. Yurchenko A.G. Khristianskiy mir i «Velikaya Mongol'skaya imperiya». *Materialy frantsiskanskoy missii 1245 g* [Christendom and the "Great Mongol Empire". Materials of the Franciscan Mission in 1245]. St. Petersburg, Evraziya Publ., 2002a. 478 p.
53. Yurchenko A.G. *Imperiya i kosmos: Real'naya i fantasticheskaya istoriya pokhodov Chingis-khana po materialam frantsiskanskoy missii 1245 goda* [Empire and the Cosmos: Real and Fantastic History of Genghis Khan's Campaigns according to the Materials of Franciscan Mission in 1245]. St. Petersburg, Evraziya Publ., 2002b. 432 p.
54. Yurchenko A.G. Istoricheskaya geografiya politicheskogo mifa. *Obraz Chingis-khana v mirovoy literature XIII–XV vv* [Historical Geography of Political Myth. Image of Genghis Khan in the World Literature of the 13th–15th centuries]. St. Petersburg, Evraziya Publ., 2006. 640 p.
55. Yurchenko A.G. *Kniga Marko Polo: zapiski puteshestvennika ili imperskaya kosmografiya* [Book of Marco Polo: Notes of the Traveler or Imperial Cosmography]. St. Petersburg, Evraziya Publ., 2007. 864 p.
56. *Strahlenberg Ph.* Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730. 373 p.

About the author: Vasiliy Vasil'evich Ushnitskiy – Research Fellow, Department of Ethnography of the Peoples in Northeastern Russia, Institute of Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Kandidat nauk (scientific degree) in historical sciences (677007, Petrovsky st., 1, Yakutsk, Republic of Sakha); voma@mail.ru